

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ АДЫГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ¹

З.Я. ЕМТЫЛЬ

Современный этап развития отечественной исторической науки обозначился в целом падением познавательного интереса к теоретико-методологическим проблемам исторического познания и смещением акцента с вопросов о способах получения исторического знания на результаты исторических исследований. В результате произошло значительное расширение проблематики научных исследований, многие ранее не известные факты истории адыгов стали предметом общественного достояния. Однако настоящий прорыв в развитии адыговедения видится сегодня в формировании серьезной теоретической основы проводимых исследований.

Одним из перспективных направлений разработки адыгской истории нуждающимся в теоретическом осмыслении, является история интеллигенции. Она выступает как связующая проблем политического, культурного, ментального уровня и интегрирует в себе такие важные направления исторического знания как общественно-политическая история, развитие культуры и образования адыгов.

Значимость разработки истории национальной интеллигенции, опыта ее общественной деятельности обуславливается и этнокультурной ситуацией на Северном Кавказе, характеризующейся обострением национального самосознания адыгских народов, активным поиском ими форм национальной и культурной идентичности в условиях существования в рамках полиэтнического российского государства, что предъявляет новые требования к интеллигенции, далеко выходящие за ее профессиональные или культурно-образовательные функции. Перед интеллигенцией встает задача переоценки ценностей, духовного синтеза, способствующего осознанию народом не только своего этнокультурного своеобразия, но и специфичности национальных потребностей и интересов. Именно на национальную интеллигенцию ложится задача определения места и роли своего народа как в системе глобальной, так и общероссийской совокупности народов.

Говоря о формировании теоретических подходов к разработке истории адыгской интеллигенции, представляется целесообразным сфокусировать исследовательское внимание на ее деятельностной стороне. При этом принципиально важно учесть влияние как объективных, так и субъективных факторов, определявших характер, содержание и направление развития общественного аспекта деятельности интеллигенции и обратного воздействия

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

деятельности интеллигенции на жизнь общества. Необходимо учитывать, что интеллигенция – сложное социокультурное явление общественной жизни, одновременно является объектом и субъектом социальной реальности. «Она, с одной стороны, продукт социального ландшафта и отражает состояние развития общества, с другой стороны, воздействует и видоизменяет своей деятельностью весь общественный организм» [10, с. 58]. В поле исследовательского внимания должны находиться не только факторы, обусловившие формирование адыгской интеллигенции, ее социальный и профессиональный состав, но и непосредственно деятельность самой интеллигенции в наиболее значимых сферах общественной жизни. Такой подход к исследованию истории интеллигенции позволит расширить исследовательское видение, создавая условия для комплексной реконструкции сложной истории адыгской интеллигенции и вывести исследования по истории национальной интеллигенции на качественно новый уровень осмысления проблем.

Признавая необходимость сосредоточения исследовательского внимания на деятельностной стороне истории адыгской интеллигенции, следует упомянуть В.Т. Ермакова [5, с. 63], который в свое время справедливо отмечал, что именно деятельностная концепция истории российской и советской интеллигенции приобретает решающее значение в разработке и освещении ее истории. Именно на этом участке исторического познания исследователей ждут реальные достижения.

При этом он предложил сосредоточить внимание на трех аспектах, не устанавливая жесткой иерархии между ними: а) исполнение различными отрядами интеллигенции своего профессионального долга; б) гражданской позиции интеллигенции, то есть исполнение ею своего гражданского долга служения народу, родине, высоким идеалам; в) характеристике морального и нравственного «поведения» интеллигенции [6, с. 19]. Однако в отечественной историографии интеллигенции по-прежнему господствует подход, в основе которого лежит изучение каналов и способов формирования интеллигенции, анализа ее социального и профессионального состава.

Важным аспектом в изучении деятельностной стороны истории адыгской интеллигенции является исследование истории идей, получивших распространение в среде интеллигенции, в том числе через биографии отдельных представителей интеллигенции и их социокультурного окружения. Объектом исторического исследования должна выступать не только событийная сторона истории, безусловно, отражающая содержание деятельности национальной интеллигенции. Теоретическая установка должна состоять в том, чтобы отойти от традиций историописания интеллигенции, сконцентрировав исследовательское внимание на движении идей в среде национальной интеллигенции во взаимодействии не с абстрактным историческим окружением, а теми политическими, культурными, религиозными и социальными контекстами, в которых эти идеи рождались, распространялись, модифицировались и трансформировались.

В данном случае речь идет не только о «великих идеях», но и о тех,

которые разделялись большими группами людей и имели распространение в рассматриваемый исторический период. Такой подход позволяет наиболее полно, с одной стороны, отразить субъективность интеллигенции, с другой, осознать ее влияние на интеллектуальное состояние адыгского общества. Учитывая современное состояние научного знания стоит отметить, что проблема интеллигенции является одной из тех, которые успешно могут быть исследованы в контексте такого относительно нового для отечественной науки направления, как интеллектуальная история.

Новые возможности в разработке проблемы открываются в связи с постепенным преодолением в отечественной исторической науке предметной односторонности исторического исследования, отдающей приоритет в истории социальным явлениям над индивидуальными. Социальные образования перестают рассматриваться как исходные элементы исторического исследования. Меняется предметная область на изучение собственно «человека истории». «Антропологизация» исторической науки означает не только расширение проблематики исторических исследований, но и перенос исследовательского интереса на внутренний, духовный мир человека, мотивации его деятельности. Данная методологическая ситуация открывает новые возможности для осуществления научных исследований не только по истории адыгской интеллигенции, но и отечественной интеллигенции в целом.

Большое методологическое значение для исследования истории адыгской интеллигенции имеет понимание того, что интеллигенция, как и любое явление общественной жизни, не является статичным и способна видоизменяться под влиянием меняющихся конкретных исторических условий. Каждая эпоха накладывает на «облик» интеллигенции «свою печать, колорит времени», востребуя те или иные ее качества [1, с. 5].

Рубежным событием в истории российской интеллигенции вообще и адыгской в частности стали революционные преобразования в Российском государстве. Они не только привели к ломке всей системы общественных и социальных связей, но и предопределили существенные качественные и количественные изменения как российской интеллигенции в целом, так и адыгской национальной интеллигенции в частности. Это был тот случай, когда историческое развитие адыгского народа и его интеллигенции стимулировалось факторами внешнего характера, круто изменившими условия существования во всех сферах общественной жизни.

Сразу же после прихода к власти большевики стали последовательно реализовывать политику создания новой интеллигенции. Она основывалась на принципах, во многом противоположных дореволюционным, что вело к снижению «качественного» уровня интеллигенции и «сужению» ее функционального поля. В связи с «растворением» дореволюционной интеллигенции среди выходцев из других социальных слоев существенно видоизменялись групповые черты интеллигенции, заметно снизился культурно-образовательный уровень интеллигенции, а масштабные репрессии в сочетании с массовой идеологической обработкой содействовали унификации сознания интеллигенции, ее оппозиционного потенциала [4, с. 27].

Тем не менее в своей сущностной основе интеллигенция продолжала существование² [8, с. 10-11]. Более того, в условиях неразвитости системы среднего и высшего профессионального образования в особенности в национальных регионах, к которым относились в том числе адыгские образования, происходило широкое вовлечение «старой» интеллигенции в процесс подготовки «новой» интеллигенции. Таким образом, «старая» интеллигенция имела определенное влияние на формирующуюся интеллигенцию советского общества. В данном случае, возможно говорить о серьезной трансформации интеллигенции под влиянием изменившихся общественно-политических обстоятельств³.

Говоря о результатах деятельности советской власти в области формирования «новой» адыгской интеллигенции, следует отметить, что политика большевиков в области культуры в целом характеризовалась выраженным стремлением к унификаторству. Широко тиражируемые новой властью представления о культурной отсталости национальных меньшинств и засилии патриархально-феодалных пережитков, подлежащих решительному искоренению, постепенно формировали у новой национальной интеллигенции отторжение национальных основ культуры. Интеллигенция становилась проводником ценностей и культуры, размывавших национально-культурную специфику своего народа. В известной степени происходила денационализация интеллигенции. Оставаясь национальной по формальному признаку (этническая принадлежность), интеллигенция становилась носителем и проводником ценностей, ориентированных не на сохранение и развитие национально-культурной специфики своего народа, а на интернационализацию его сознания и быта.

Исходя из того, что адыги на протяжении столетий находились в зоне активного политического, межкультурного взаимодействия с Османской и Российской империями, а со второй половины XIX в. были включены в состав последней, особое теоретическое значение при разработке истории адыгской интеллигенции приобретает выявление роли факторов внешнего воздействия как на процесс формирования, так и содержание деятельности адыгской интеллигенции. Важное теоретическое значение имеет понимание того, что подверженность Северного Кавказа на протяжении длительного времени мощному влиянию двух цивилизаций – Западной и Восточной обусловила

² Осинский И.И. не без оснований сделал вывод о том, что советскую интеллигенцию возможно рассматривать как интеллигенцию собственном смысле. Эта новая советская интеллигенция считала своим гражданским долгом формирование у подрастающего поколения таких высоких нравственных качеств как любовь к Родине, интернационализм, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, честность, добросовестность и др. Продолжая традиции дореволюционной интеллигенции, ее представители лелеяли высокую научную и художественную мысль, несли народу просвещение, общественные идеалы, умножая духовные ценности страны.

³ Следует отметить, что проблема преемственности интеллигенции на протяжении многих лет носит острый дискуссионный характер. Сторонники преемственности советской интеллигенции по отношению к дореволюционной признают, что интеллигенция, воспитанная в условиях жесточайшего идеологического диктата во многом утратила такие качества дореволюционной интеллигенции как терпимость к инакомыслию, оппозиционность к отрицательным явлениям существующего режима, но вместе с тем сохранила многие положительные качества, свойственные интеллигенции, и достигла значительных успехов в развитии просвещения, науки, техники и искусства.

появление в составе национальной интеллигенции носителей различных типов ценностей (западных и восточных)⁴ [9].

Обращая внимание на необходимость выявления роли факторов внешнего воздействия на процессы, связанные с историей адыгской интеллигенции, следует отметить недопустимость смещения исследовательского акцента в сторону рассмотрения интеллигенции исключительно как управляемого объекта как это происходило в советской и отчасти в постсоветской историографии интеллигенции. Необходимо понимание того, что интеллигенция является сложным явлением общественной жизни, выступающим одновременно в роли объекта и субъекта социальной реальности, ее продукта и создателя.

Учитывая региональный аспект исследуемой проблемы, большое методологическое значение для ее разработки имеет понимание того, что исследование истории интеллигенции национальных регионов вообще и адыгской в частности должно осуществляться с новых исследовательских позиций. В современной отечественной методологии местной (локальной) истории происходит осознание важности преодоления сложившейся в отечественной науке традиции, состоявшей в стремлении к «подтягиванию» местной истории, как считалось к уровню более высокой русской истории, и «подгонки» ее под уже исследованные явления в центральной России, в лучшем случае упоминая о специфических особенностях [13, с. 102].

Зреет понимание того, что в российской истории господствуют нелинейные отношения между целым и частным и упрощенный «линейный взгляд» не позволяет понять многомерность исторического процесса и не способствует вскрытию сложного «устройства» российского общества [3]. «Новая историографическая культура не приемлет старых как метанарративных стилей, свойственных макроисторическому построению, так и антикварных или эрудитских подходов к написанию локальных историй, характерных для краеведения» [7].

Важно понимание того, что адыгская интеллигенция представляла собой проявление локальной истории в пределах истории российского государства. Исследование истории данного социокультурного явления должно быть ориентировано на то, чтобы выявить его специфические черты как проявления культуры локального мира. При этом речь не идет об ограничении исследовательского пространства исключительно национальными рамками.

В данном случае речь идет о необходимости исходить из понимания того, что интеллигенции как социокультурному явлению свойственно многообразие форм, обусловленных в том числе ее этническим происхождением, которые не должны быть стандартизированы. Думается, что в контексте формирования новых подходов к исследованию локальной истории, исследовательский акцент должен быть несколько перемещен с линейного исторического метанарратива

⁴ Северокавказский регион традиционно в научном дискурсе понимается как регион пограничный, своеобразный «мост» между Севером и Югом. С точки зрения С.И. Панарина, этот мост первоначально ориентировался на контакт с Югом, однако приход на Кавказ России привел к переориентации его на Север.

на локальные социокультурные пространства и их включенность в глобальную перспективу.

Такой подход к исследованию истории адыгской интеллигенции не только обогатит новыми фактами из жизни региона эмпирическое пространство общероссийской истории, но и создаст возможности для расширения тематики исторических исследований по проблеме интеллигенции в целом, поможет приблизиться к пониманию всей сложности и многообразия проявлений интеллигенции как универсального явления в жизни различных народов.

Большое методологическое значение для осуществления исследования истории интеллигенции вообще и адыгской в частности имеет понимание того, что интеллигенция как социокультурная группа всегда и везде представляет собой явление многообразное, дифференцирована политически, идеологически, социально, профессионально и т.д. Как справедливо отмечал В.Т. Ермаков, «и российская и советская интеллигенция никогда не была единым и однообразным монолитом» [5, с. 65]. Поэтому в раскрытии многообразной противоречивости интеллигенции на социокультурном, историософском, мировоззренческом, идейно-политическом, морально-нравственном и иных уровнях состоит одно из перспективных направлений обновления и углубления отечественной историографии интеллигенции [6, с. 23].

Говоря о многообразии и дифференцированности интеллигенции, следует особо отметить, что она в полной мере проявила себя в период революционных преобразований в России. Политическая позиция адыгской интеллигенции определялась целой совокупностью мотивов, которая выходила далеко за рамки социального происхождением, места в системе социальной иерархии, материального положения, профессиональной принадлежности. В частности, в исследовании истории адыгской интеллигенции в революционный период предстоит выявить значение и роль таких факторов как культурно-религиозного, мировоззренческого, национального.

Стоит отметить, что необходимость преодоления упрощенного, прямолинейного подхода к вопросу о политической ориентации интеллигенции была отмечена еще советскими исследователями в 70-80-е гг. XX в. На важность выявления роли субъективных, социально-психологических факторов в определении позиции интеллигенции в отношении революции и советской власти указывали С.А. Федюкин [12, с. 32] и В.С. Волков [2]. А.В.Ушаков обращал внимание на неверность сложившейся схемы, согласно которой к дворянско-монархическому лагерю принадлежали интеллигенты из дворян, занимавшие должности крупных чиновников и офицеров; буржуазно-либеральная интеллигенция обязательно включала профессоров, адвокатов, журналистов, а пролетарская – революционеров, выходцев из неимущих слоев. Она сводила сложные явления к простым, игнорируя богатейшую гамму политических, психологических, профессиональных и других факторов [11, с. 53]. Однако избавиться от подобного догматизма отечественной историографии интеллигенции в полной мере так и не удалось.

Исходя из наличия в отечественной исторической науке большого количества и диапазона оценочных формулировок в отношении «русской» и

«советской», «старой» и «новой» интеллигенции, представляется необходимым определить исследовательскую позицию в этом вопросе. Думается, что оценочные крайности препятствуют формированию объективных, научно обоснованных представлений как на место и роль интеллигенции в сложных, порой противоречивых процессах социально-политической, культурной трансформации, происходивших на протяжении всей истории интеллигенции, так и на содержание изменений самой интеллигенции как социокультурного слоя.

Осмысление теоретических основ исследования истории адыгской интеллигенции привело к выводу о необходимости рассмотрения адыгской интеллигенции в качестве социокультурного явления, отражающего как состояние развития общества, так и активно воздействующего на весь общественный организм. Предметом особого исследовательского внимания должна стать деятельностная сторона истории адыгской интеллигенции во всем ее разнообразии и противоречивости. При этом принципиально важно понимание того, что интеллигенция всегда в силу своей особой природы представляет собой явление многообразное, дифференцирована политически, идеологически, социально, профессионально и т.д., что делает невозможными упрощенные прямолинейные оценки деятельности интеллигенции и лежащей в ее основе мотивации.

При разработке истории адыгской интеллигенции принципиально важное теоретическое значение имеет понимание того, что интеллигенции как явлению свойственно многообразие форм, обусловленных в том числе ее этническим происхождением, которые не должны быть стандартизированы. Вместе с этим следует иметь в виду, что она, как и любое явление общественной жизни, не является статичной, способна видоизменяться под влиянием меняющихся конкретных исторических условий существования.

Исследование истории адыгской интеллигенции на обозначенных теоретических установках позволит не только значительно расширить исследовательское поле, создавая условия для комплексной реконструкции сложной истории адыгской интеллигенции, но и что не менее важно в условиях современного общества, переосмыслить социальную роль и место интеллигенции в обществе, понять масштабы последствий, связанных со сведением функций интеллигенции к удовлетворению профессионально-кадровых и пропагандистских запросов власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселов В.Р.* Интеллигенция на рубеже эпох: проблемы исторического выбора и преемственности // Интеллигенция и мир. – 2001. – №1. – С. 5-11.
2. *Волков В.С.* Ленинский анализ социальной психологии интеллигенции как составная часть научного обоснования политики партии по отношению к старым специалистам после победы Великого Октября // Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества. Вып. 2. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1978. – С. 3-11.

3. *Гомаюнов С.* Местная история в контексте россиеведения [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал: Экономика. Социология. Менеджмент. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/793/614/1216/006Gomayunov.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).

4. *Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX – начала 30-х гг. XX в. – Краснодар: Изд. дом Юг, 2010. – 351 с.

5. *Ермаков В.Т.* Интеллигентоведение как самостоятельная область исторического знания (К постановке вопроса) // Интеллигенция и мир. – 2001. – №1. – С.61-65.

6. *Ермаков В.Т.* Интеллигенция России в XX столетии (К постановке проблемы «Интеллигенция как феномен исторического изучения») // Интеллигенция России: уроки истории и современность: сборник статей. – Иваново, 1996. – С. 16-24.

7. *Колесникова М.Е., Маловичко С.И.* Новые направления региональной истории: история пограничных областей Северного Кавказа // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2004. – №39. – С. 48-58.

8. *Осинский И.И.* Интеллигенция и некоторые проблемы гуманизма // Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти. – Омск, 1993. – Ч.1. – С. 7-15.

9. *Панарин С.А.* Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе // Россия и Кавказ – сквозь два столетия: Исторические чтения. – СПб.: Журнал «Звезда», 2001. – С. 35-46

10. *Соколова Ф.Х.* Интеллигенция европейского севера России: формирование, динамика взаимоотношений с властью (1017-1930-е годы): дис... докт. истор. наук. – Архангельск, 2005. – 632 с.

11. *Ушаков А.В.* Русская интеллигенция периода буржуазно-демократических революций (профессиональная и политическая структура) // Интеллигенция и революция. XX век: сборник статей. – М.: Наука, 1985. – С. 48-57.

12. *Федюкин С.А.* Октябрь и интеллигенция (некоторые методологические аспекты проблемы) // Интеллигенция и революция: сборник статей. – М.: Наука, 1985. – С. 20-33.

13. *Шеуджен Э.А.* Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Шеуджен Э.А. Путь в историю: В поисках методологии исследования. – Майкоп: Качество, 2007. – С. 96-103.

УДК 93/94 (470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-99-107

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ АДЫГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

З.Я. ЕМТЫЛЬ

Кубанский государственный технологический университет.

350015, г. Краснодар, ул. Красная, 135, 3-й этаж, ауд. 157.

E-mail: adg1070@gmail.com

Аннотация. История адыгской интеллигенции выступает как связующая проблем политического, культурного, ментального уровня и интегрирует в себе такие важные направления исторического знания как общественно-политическая история, развитие культуры и образования адыгов. В работе анализируются некоторые важные аспекты и теоретико-методологические установки, на которых могут базироваться исследования адыгской интеллигенции, претендующие на комплексность реконструкции сложной истории адыгской интеллигенции, качественное переосмысление социальной роли и места

интеллигенции в обществе. Отмечается, что в поле исследовательского внимания должны находиться не только факторы, обусловившие формирование адыгской интеллигенции, ее социальный и профессиональный состав, но и непосредственно деятельность самой интеллигенции в наиболее значимых сферах общественной жизни. В качестве важного аспекта в изучении деятельностной стороны истории адыгской интеллигенции указывается исследование истории идей, получивших распространение в среде национальной интеллигенции, во взаимодействии с политическими, культурными, религиозными и социальными контекстами, в которых эти идеи рождались, распространялись и трансформировались. В своем исследовании автор исходит из понимания того, что интеллигенции, как социокультурному явлению, свойственно многообразие форм, обусловленных ее этническим происхождением, социальной, профессиональной принадлежностью, политическими, идеологическими, мировоззренческими установками и воззрениями, которые не должны быть стандартизированы.

Ключевые слова: интеллигенция; адыгская интеллигенция; история идей; деятельность; культура.

SOME ACTUAL ASPECTS OF INVESTIGATION OF THE HISTORY OF ADYGHE INTELLIGENTSIA

Z.Ya. EMTYL

*Kuban State Technological University.
350015, Krasnodar, Krasnaya st., 135, 3rd floor, aud. 157.
E-mail: adg1070@gmail.com*

Abstract. The history of the Adyghe intelligentsia acts as a connecting factor of problems of political, cultural, mental level and integrates such important areas of historical knowledge as socio-political history, the development of culture and education of the Adyghe. The paper analyzes some important aspects and theoretical and methodological guidelines on which the studies of the Adyghe intelligentsia can be based, claiming the complexity of reconstructing the complicated history of the Adyghe intelligentsia, a qualitative rethinking of the social role and place of the intelligentsia in society. It is noted that in the field of research attention must be paid not only to the factors that led to the formation of the Adyghe intelligentsia, its social and professional composition, but also the direct activity of the intelligentsia in the most significant spheres of public life. An important aspect in the study of the activity side of the history of the Adyghe intelligentsia is the study of the history of ideas that have spread among the national intelligentsia in interaction with the political, cultural, religious and social contexts in which these ideas were born, disseminated and transformed. In his study, the author proceeds from the understanding that the intelligentsia, as a sociocultural phenomenon, is characterized by the diversity of forms due to its ethnic origin, social, professional affiliation, political, ideological, ideological attitudes and views that should not be standardized.

Key words: intelligentsia; Adyghe intelligentsia; history of ideas; activity; culture.